

...Тем больше люблю собак

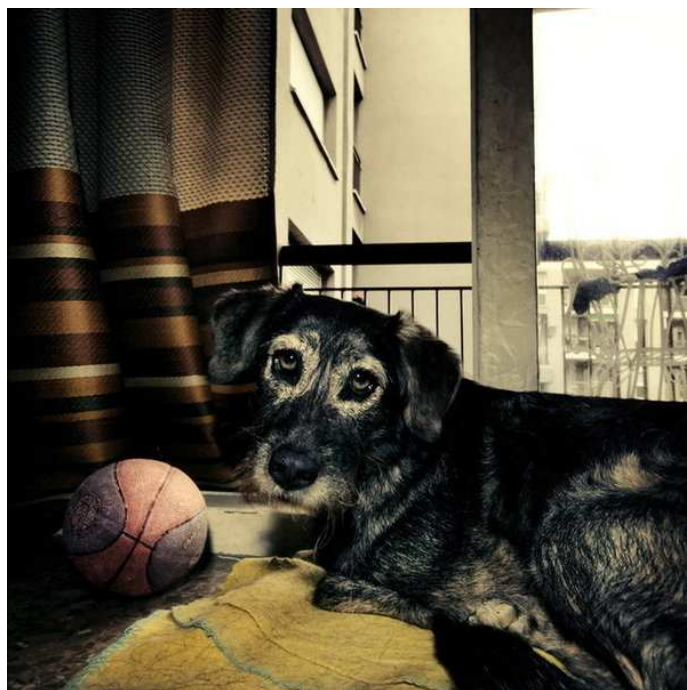
Марк Твен писал: "Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю животных." Я бы добавила: особенно собак. Почему, скажем, не кошек – изящных и загадочных, у которых, по выражению Бродского, нет ни одного некрасивого движения? Кошка – независима. Она лишь благосклонно пользуется тем, что даёт ей человек, но живёт сама по себе, привыкая не столько к хозяину, сколько к месту. А собака – друг, преданное, простодушное существо, у которого все чувства и эмоции, что называется, на лице написаны. Кошка – коварна, капризна, она – "вещь в себе", маленький булгаковский сфинкс. А собака – душа нараспашку, вся на ладони. Кошкой можно любоваться, с собакой – дружить. Кошка нас терпит, позволяет себя любить, собака – любит бескорыстно и самозабвенно.

Для пса человек – будто солнце из мрака –
Молитва, мечта, божество.
Бесстрашно его охраняет собака,
Спасёт и умрёт за него.

(М. Петровых)

"Обожаю собак!" – могла бы я повторить вслед за Цветаевой. У Цветаевой, кстати, есть стихотворение "Кошки", где в последних строках каждой из трёх строф она утверждает то, что считает главными свойствами кошачьего характера: "В кошачьем сердце нет стыда", "В кошачьем сердце рабства нет", "В кошачьем сердце нет любви." Поскольку Цветаева была склонна противопоставлять собак кошкам, здесь можно сделать вывод: она считала, что в собачьем сердце есть стыд, есть рабство, есть любовь. По мнению Цветаевой, все качества собак выше, чем у кошек.

В "Повести о Сонечке" она пишет: "Я, как Сонечка, хочу сама любить, как собака, хочу сама любить... Да разве Вы ещё не поняли, что мой хозяин – умер, и что я за тридевять земель и двудевять лет – просто – вою?!" А в её стихотворении 1916 года, посвящённом Никодиму Плуцер-Сарна, есть строки:

Я тебя отвоюю у всех времён, у всех ночей,
У всех золотых знамён, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого, что в земной ночи я вернее пса.

Когда-то, ещё на заре бытия, до первой пролитой крови, мир ощущался как единый организм, в нём циркулировали соки, роднящие всё живое на свете. Люди, животные, птицы – составляли одну большую семью, некое вселенское братство. Это потом учёные стали утверждать, что человек – венец природы, что он произошёл от обезьяны. А когда-то считалось, что люди произошли от так называемых "жёлтых псов". В мифологии почитался пёсеголовый бог Анубис.

У Данте "гончая" означает загадочного провозвестника Второго Пришествия, а монахи-доминиканцы называли себя "псы Господни" – *Domini canes*. В древней Греции были философы-кинники, которые называли себя собаками. Это сейчас слово "собака" почти ругательное, а в древности считалось, что собаки – очень мудрые существа. Об этом пишет, в частности, Платон в диалоге "Государство", где вкладывает рассуждение о мудрости собак в уста Сократа. Так что, если верить старинным легендам, то человека связывает с собаками древнее родство, генетические узы. Не оттого ли так много у нас поговорок, пословиц, связанных с собакой: "замёрз как собака", "устал как собака", "собачий холод", "жизнь собачья" и т.д.

У М. Цветаевой в "Воспоминаниях о современниках" есть глава, которая называется "Защита твари." Там она приводит свой диалог с матерью, когда была совсем маленькой и впервые знакоилась с "Евангелием":

- Почему в Евангелии совсем не говорится о животных?
- "Птицы небесные".
- Да ведь "как птицы небесные", опять о человеке...
- А волы, которые дыханием согревали младенца?
- Этого в Евангелии не сказано, это уж мы...
- Ну, осёл, наконец, на котором...
- И осёл только как способ передвижения. Нет-нет, в Евангелии

звери явно обойдены, несправедливо обойдены. Чем человек выше, лучше, чище?..

А действительно, чем? Тем, что "человек – звучит гордо"? А вот учёный 17 века Кёстлер, например, считал человека ошибкой эволюции и называл его "жалкое недоживотное".

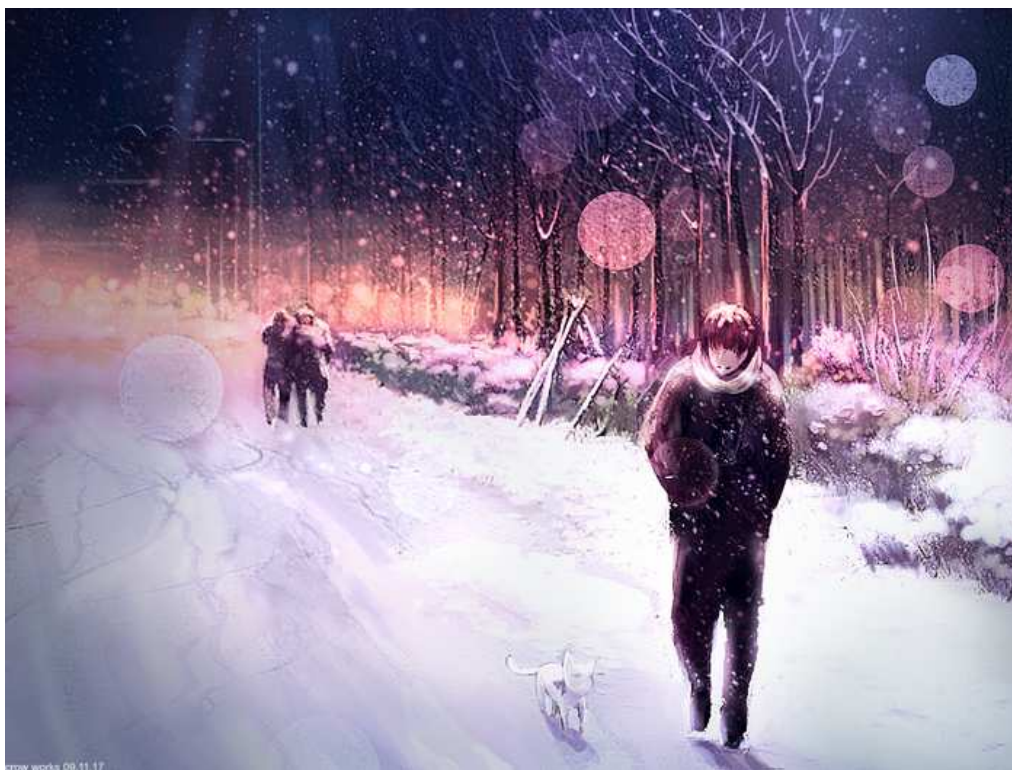
Как-то по ТВ была передача "Семья", в которой выступил батюшка и высказал своё негодование по поводу собак, которых церковь считает нечистым животным. Если собака зайдёт в церковь – та становится осквернённой. В собачьем облике якобы воплощены бесы, их нельзя держать в семье – православная религия запрещает держать пса в доме. „Самый плохой человек – лучше хорошей собаки" и пр. А вот для Цветаевой собака – это божество. Собаки были для неё в том же ряду, что и поэты, негры, евреи, то есть все, кто подлежал гонению, кто был обижен людьми и нуждался в её защите. И, может быть, не случайно петербургское кафе, где собирались поэты серебряного века, называли "Бродячей собакой": поэты тоже нередко ощущали себя неприкаянными и одинокими, их связывало какое-то генетическое родство с этим животным. Как писал Вениамин Блаженный:

И если есть у зверя ум, так это
Союз природы с детскою душой.
В нём что-то от небрежности поэта,
В нём что-то от повадки нагишом.

Где-то я читала, что все люди делятся на два вида: одни в каждом человеке видят собаку, а другие – в каждой собаке пытаются разглядеть человека. А. Вертинский, например, ко всем собакам обращался исключительно на "Вы". В стихотворении "О моей собаке" он писал:

Это не важно, что Вы – собака.
Важно, что Вы – человек.
Вы не любите сцены, не носите фрака,
Мы как будто различны, а друзья навек.
И хотя Вам порой приходилось кусаться,
Побеждая врагов и "вражнь" гоня,
Всё же я, к сожалению, должен сознаться,
Вы намного честней и благородней меня.
И когда мы устанем бежать за веком
И уйдём от жизни в другие края,
Все поймут – это ты была человеком,
А собакой был я.

Актриса Нина Ургант вспоминала, как однажды, возвращаясь из театра домой, она увидела, что весь её двор-колодец заполнен людьми. И над этой толпой из открытого окна ревет голос Высоцкого. Ургант вбежала в квартиру и увидела: сидит Высоцкий напротив её

собаки Зурикеллы и поёт свои песни. Он был совершенно уверен, что собака всё понимает. "Посмотри, какие у неё глаза", – сказал он ей. А Бунин, например, читал свои рассказы не жене, а своей собаке, считал, что она лучше его понимает. А Маяковский! Этот громоподобный, железобетонный исполин, безжалостный к врагам, с квадратной челюстью и непримиримым взглядом – как он находил эти пронзительные, полные неизбывной нежности и жалости слова, когда писал о животных!

Я люблю зверё. Увидишь собачонку –
Тут у булочной одна – сплошная плешь –
Из себя и то готов достать печёнку –
Мне не жалко, дорогая, ешь!

Маяковский часто в стихах отождествлял себя с собаками, лошадьми, медведями и другими зверьми. В стихотворении "Вот так я сделался собакой" он пишет:

Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
Как собака, лицо луны гололобой
Взял бы и всё обвыл.

И в трагедии "Владимир Маяковский":

Господа! Остановитесь! Разве это можно?!
Даже переулки засучили рукава для драки.
А тоска моя растёт, непонятна и тревожна,
Как слеза на морде у плачущей собаки.

Маяковский говорил, что любит животных за то, что они "не люди, а всё-таки живые." Л. Брик в своих воспоминаниях писала: "Маяковский научил меня любить животных. В нашей совместной жизни постоянной темой разговора были животные. Когда я приходила откуда-нибудь домой, В. В. часто спрашивал, не видела ли я "каких-нибудь интересных собак и кошек". В письмах ко мне он много писал о животных, а на картинках, которые рисовал во множестве, изображал себя щенком, а меня кошкой." И ещё: "совсем он был тогда ещё щенок, да и внешностью был похож на щенка: большие лапы и голова, а по улицам носился, задрвав хвост, и лаял зря, на кого попало. Мы прозвали его Щеном, и он в письмах и даже в телеграммах подписывался "Счен" (так иногда транскрибировали на русский язык подпись Маяковского в поступавших из-за границы телеграммах: Счен – который в свою очередь был транскрипцией латинскими буквами слова Щен). Телеграфисты недоумевали, и на

многих телеграммах была служебная приписка: "Да – счен, верно – счен, странно – счен."

В 1941 году Л. Брик издала книжку для детей "Щен" – о собаке, которую любил Маяковский. Поэт вспомнил Щеника добрым словом в своей поэме "Хорошо":

Двенадцать квадратных аршин жилья.
Четверо в помещении –
Лиля, Ося, я
И собака Щеник.

Ирина Одоевцева мечтала в детстве о "стране собак", "где только собаки и ни одного человека", а она – "собачья королева". Ей вторит Инна Кабыш, которая считает, что "рай – это там, где нет людей, а только дети и собаки."

Как-то я читала дневники Анатолия Якобсона и натолкнулась там на такое высказывание, которое полностью разделяю: *"Думаю так: хотя достойное отношение к животным ещё не доказывает высокой породы человека, но худое отношение к ним (отчуждённость, брезгливость, страх) всегда наводит на грустные размышления относительно породы данного субъекта и целых категорий лиц."*

Часто можно слышать раздражительные реплики типа "людям плохо, самим жрать нечего, а вы о собаках печётесь". А почему, собственно, такое чёткое разграничение? Если вспомнить индуистскую религию с её теорией переселения душ – кто знает, кем мы были в прошлой жизни и в кого наша душа переселится в будущей? Мы, правда, не индуисты, и я, честно говоря, не верю в такие метаморфозы, но эта религия симпатична мне уже тем хотя бы, что побуждает людей хоть немного представить себя в шкуре животного,

почувствовать его боль и тоску. В этом плане мне очень близок В. Блаженный с его ключевым мотивом беззащитных животных, оказывающихся ближе всех к Небу, и одинокого человека – защитника зверей перед Богом:

Моление о кошках и собаках,
О маленьких изгоях бытия,
Живущих на помойках и в оврагах
И вечно неприкаянных, как я.

Они глядят так долго, долго, долго,
Что перед ними, как бы наяву,
Рябит слеза огромная, как Волга,
Слеза зверей... И в ней они плывут.

В 1999 году вышла моя книжка "Собачья жизнь" с непридуманными историями о судьбах бездомных животных. Презентация её в библиотеке переросла в стихийный митинг: люди выходили и выходили к микрофону, рассказывали свои наболевшие собачьи истории, одна страшнее другой... Закончилось всё это коллективным посланием Брижит Бардо и перечислением денег на счёт саратовского приюта. А в прошлом году эту мою книжку прочитала учительница школы 41 Л.С. Данилова и прочла её школьникам, после чего все 40 учеников 7 класса её купили и писали по ней сочинение. Потом все эти сочинения отдали мне. Не могу удержаться, чтобы не привести хотя бы несколько выдержек из них, самых очаровательных:

"Когда я прочитал пару рассказов, меня тронуло за душу, и я не мог уснуть ночью, думая об участи тех собак. После того, как я

прочёл эту книгу, я стал больше уделять внимания собакам. У нас во дворе мы нашли бездомных щенков. Сделали им домик из картонки и поставили миску с едой, которую они быстро опустошали. Каждый день я заходил после школы к питомцам... Если б у меня были бы деньги, то я открыл бы хороший приют для собак, распространял бы листовки, призывающие помогать собакам, поднял бы этот вопрос на телевидении... Но это в мечтах. Люди лучше покажут по новостям про какое-нибудь убийство, они считают это интересней." (Федин Иван)

"Ощущение от прочитанного было ужасное, слезы наворачивались сами. Всю ночь я думала о несчастных животных и о той божже, которая съела их. Да лучше бы она украла еду в магазине!.. Поразмыслив над этим, я решила помогать и опекать животных. Пусть не могут другие, зато я могу. Совесть моя будет чиста перед ними." (Харитонов Анастасия)

"Я не могла прочитать без слез эти бесхитростные рассказы. Мне показалось необычным, что собаки похожи на людей, иногда даже лучше. Я прочитала книжку за один день. Она заставила меня задуматься, насколько жесток этот мир... Приют – это не решение проблемы. Сейчас нет денег, чтобы создать нормальные условия, но есть выход: заботиться о собаках и не выбрасывать их на улицу. Лучше взять себе беспородистую собаку, она смиленнее, чем породистая, красивее – это уже доказано." (Данилина Олеся)

"Эта книжка очень сильно затронула меня, ведь раньше я проходил мимо бездомных собак и не обращал на них внимания, а теперь возвращаюсь из булочной домой с половиной батона или буханки хлеба, потому что по дороге отдаю всё голодным собакам. У меня сердце разрывается на части, когда на моих глазах бьют или издеваются над животным. Ведь если бы люди не били, не выгоняли

и не лишали жизни собак, то книга "Собачья жизнь" никогда не появилась бы на свет." (П. Маврин)

"Однажды я шёл с одним знакомым мальчиком по улице, и там часто бегают рыжая собака. Она никогда никому не делала ничего плохого, ко всем была ласкова. Вот Серёжа и говорит мне: "Хочешь посмотреть, как я сейчас её пну, а она мне ничего не сделает? Я уже пробовал." "А если тебя вот так же пнуть, тебе будет приятно?!" – ответил я. Я посмотрел ему в лицо, он замолчал. Мне стало понятно, что с таким человеком не стоит дружить... Мы много раз с друзьями обсуждали книгу "Собачья жизнь." Книга заставляет задуматься о жизни, о её смысле. Мне особенно больно, ведь истории написаны писателем по реальным событиям. Как люди могли превратиться в зверей?!.. Хочется быть добрее и внимательнее ко всему живому на земле." (Бесецкий Никита).

"Я не могу читать эту книгу без слез на глазах, без трепещущего от жалости сердца. Человек растёт, а его душа может остаться маленькой, если её не растить. Эта книга помогает растить душу. Я считаю, что каждая семья обязана иметь такую книгу в своей домашней библиотеке. ...Собаки как люди, а многие даже лучше людей. Собаки любят, и любят открыто, не пытаясь спрятать свою любовь, а хотя им не надо её прятать. Собаки любят не за красоту, не за положение в обществе, они любят за самое главное, за душевные качества. Собаки добрые и хорошие. Если собака на вас лает, не бейте её, не пинайте, просто жизнь научила её так делать, защищаться. Поймите и пройдите мимо.

Выражаем огромную благодарность автору потрясающей книги "Собачья жизнь". Это прекрасно, что хоть кто-то решился идти против трудностей и проблем. Обещаем идти по Вашим стопам и спасти гибнувшие души (собак) людей". (В. Померовченко).

А ученица 7 класса гимназии № 4 Даша Безменова писала по этой и другим книжкам доклад "Изображение животного мира в произведениях саратовского писателя Н.М. Кравченко", с которым выступала на научно-практической конференции города. Может быть, кому-то это покажется смешным или нескромным, но я горжусь и очень дорожу такими вещами, как свидетельством своего творческого "не зря". Если б даже у одного ребёнка книжка вызвала бы добрые чувства и побудила бы к каким-то реальным действиям – и то это было бы немало.

Уже после всех этих жутких событий, описанных в книжке, в нашем дворе произошло ещё одно: убийство щенков Малыша и Рыжика. Я рассказала об этом в своём стихотворении "Она":

Собачники приехали во вторник.
В душе доньне горечь и упрёк.
Спешили люди, убирался дворник.
Никто не защитил, не уберёг.

Под солнышком тогда они сомлели,
Доверчиво раскинувшись во сне.
Была как раз пасхальная неделя.
Природа оживала по весне.

Их детвора звала Малыш и Рыжик.
Подстилка ещё тёплая была,
Когда палач, благой заботой движим,
Сгребал в мешок убитые тела.

Но хуже всех была одна старуха,
Что набрала тот номер роковой.
Она шаги печатала упруго
И с поднятой ходила головой,

Гордясь собою, выполненным долгом:
Двор наконец очищен от щенков.
А мисочки ещё стояли долго,
Нетронутым налиты молоком.

Я видела потом, как спозаранку
Она спешила в церковь с куличом.
Уверенно плыла, держа осанку,
Как будто в этой смерти не при чём.

По крови той невидимой ступая,
Вступая в новый день и в новый век,
Бесчувственная, злобная, тупая,
Не понимая, что не человек.

Это стихотворение с неожиданной быстротой широко распространилось в нашем дворе: его переписывали от руки, передавали из квартиры в квартиру, клеили на дверях подъездов, одно даже прилепили на дверь той старухи. Приходила корреспондентка из "Рекламы-Недели", записывала возмущённые высказывания жильцов. Маленькая Олеся описала потом всю эту историю в своём рассказе, который был опубликован в газете, но в бездарно отредактированном, причёсанном виде. А я бы дала его так, как он был написан, не изменив ни слова. Вот он, этот рассказ.

*Малыш – дворовый пёс
(было по правде)*

Когда Малыш был маленьким, то перед его глазами в подвале убили его братьев и сестёр. А он один выжил. И после этого он начал всех бояться, но добрые люди его кормили и приручили. Малыш жил под лестницей. Малыша весь дом подкармливал. Он был: рыженький с чёрненьким, лапки у него были как будто гольфики – рыженькие, грудка тоже была рыженькая, а остальное было чёрным. Глазки у Малыша были как у человека.

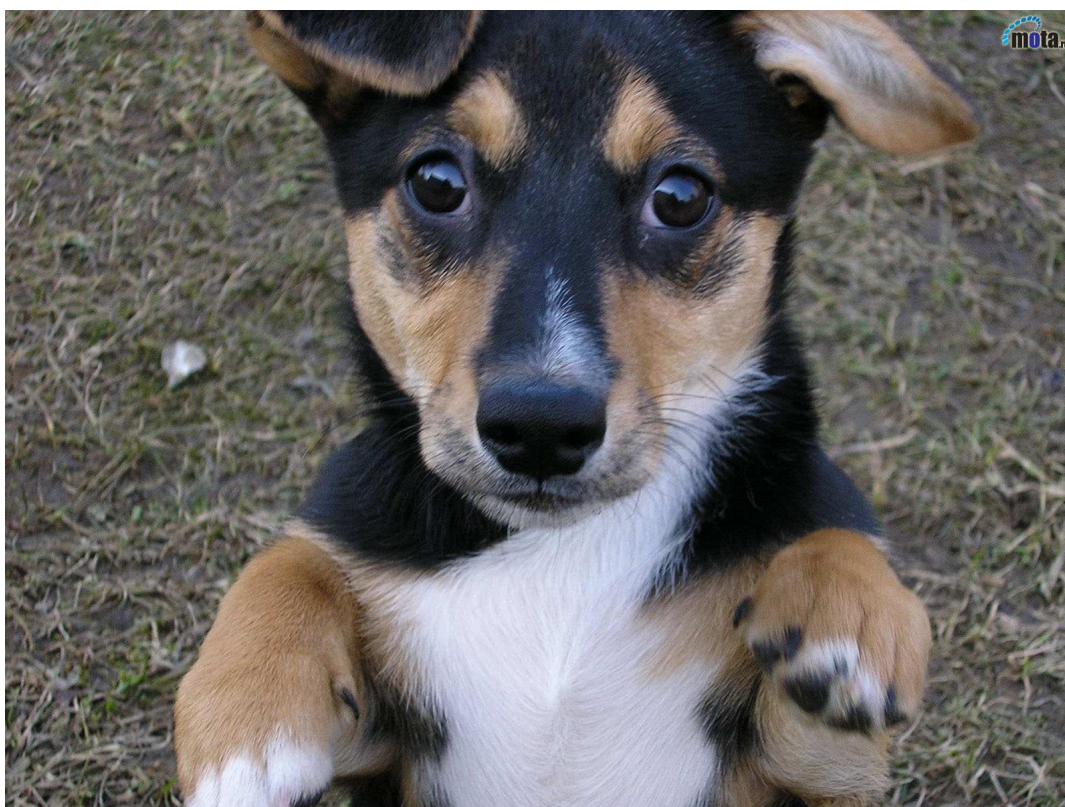
Но ему было одному скучно, и он нашёл себе собачку, звали её Джесси. Они были вместе около месяца, потом Джесси исчезла. Вскоре весь двор узнал, что её съела беззубая бабка. Малыш два дня её искал. Но потом он привёл другую. Она была очень красивая – белогрудка. За Белогрудкой прибежал один рыжий пёс – его звали Рыжик. Их всех очень любили. Но один раз они пригрелись на солнышке так хорошо, и на них было сладко смотреть.

Но одна злодейка вызвала собачников, и Малыша и Рыжика убили. Убили их так: они стреляли в них ядом. Положили в машину. Когда их привезли на "место", то их отравили газом. Эта злодейка живёт в кв. 120, дом 106 (проспект 50 лет Октября). И весь дом

плакал. Ведь так жалко, когда с самого детства их все знали, и ТРУДНО ИХ ПОТЕРЯТЬ!

Мы все надеемся, что им там, на небе, очень хорошо. Вот мы тут плачем все, а они радуются новой жизни. Тут они спали на улице зимой, весной, осенью и летом, а там, я так думаю – вечное лето. И они всегда ходят рядом с нами, только мы их не замечаем. Все умершие люди, животные, насекомые, млекопитающие, рыбы и т.д. живут там хорошо и дружно. И нет там никаких проблем и злых людей, как некоторые.

Конец!!!

Олеся – моя соседка по подъезду. Я писала о ней в стихах:

Маленькая девочка Олеся.
На руках котёнок или щенок.
Как она по-женски их жалеет –
Тех, кто в этой жизни одинок.
В непогоду с возгласом "Бедняжка!"
В тайне от соседей и семьи,
Каждую окрестную дворняжку
Наряжает в кофточки свои.

А когда огромная собака
Дать щенку хотела смертный бой –
То, не испугавшись, не заплакав,
Заслонила пёсика собой.

Олеся всё в книгах принимает за чистую монету. После прочтения "Рассказов о животных" Сетон-Томпсона, которые я ей дала, спрашивала с расширенными глазами: "Неужели это всё было по правде?" А прослушав стихотворение Маршака "Пудель", искренне недоумевала по поводу старушки, которую пудель замотал в клубок: "Но как же она его не заметила?"

Первый свой рассказ она написала о Микки, которого подобрала на I Дачной. Ей тогда было лет семь. Она записала его в специальную тетрадь, которую назвала "Тетрадь для работ по рассказам".

Микки

Когда Микки был маленьким, он отличался от всех собак, потому что он не грыз обувь, мебель. Он больше всего любил ходить гулять. Он вырос. Микки то и дело ходил гулять. Когда он возвращался домой, лаял у нашей двери.

Микки был общий, и его все любили! Когда он ходил на I Дачную, он стоял и ждал, когда ему дадут колбасу. НО ВСЕ РАВНО ЕГО ВСЕ ЛЮБИЛИ !

Последние слова были у неё записаны аршинными буквами в пол-листа, что должно было, видимо, символизировать величину и непомерность этой любви.

Мой обожаемый Микки. Настороженный взгляд горящих в темноте серых глаз. Типичный волчок из мультфильма Норштейна. Когда я смотрю на морду Микки, я вспоминаю, что все собаки произошли от волка. Глядя на изящного Дендика или ласковую Линду, я как-то не могла заставить себя поверить в их происхождение.

А при взгляде на Микки невольно думаешь: ну, этот точно от волка. Хотя Микки вовсе не злой. Да, он где-то бандит: как-то вырвал у меня из рук вафельный стаканчик мороженого и, не моргнув глазом, слопал. Больше того: у одной женщины на перекрёстке вытащил палку колбасы из сумки и, понимая прекрасно всю тяжесть содеянного, дунул в сторону 2-й Дачной. Не появлялся дома два дня: ел колбасу.

Вообще у Микки три имени. Полное его имя, данное ему Олесей, Микки-Маус. Во дворе его зовут проще: Микола, а на базаре почему-то Кузьма. Когда он там впервые появился, ещё не знали, что он Микки, и прозвали Кузьмой – оно ему больше подходит. Микки на все имена откликается с готовностью, по принципу "хоть горшком назови", только жрать давай.

Микки-Кузьма беспрерывно терроризирует жителей нашего подъезда, особенно гостей, пришедших к кому-то, в его понимании – чужаков. В квартиру он ещё кое-как пустит, облаяв и напугав до беспамятства, но обратно уже не выпустит: бросается на выходящего из двери человека торпедой и загоняет его обратно внутрь. Приходится идти на хитрость: вызывать лифт, заманивать Микки туда чем-нибудь вкусным и отправлять на 9 этаж. Пока он туда едет, оглашая весь подъезд возмущённым лаем, гость должен пулей успеть выбежать из подъезда, пока разъярённый Микки не успеет спуститься вниз и отомстить за обман и обиду. Многие гости после такого приёма и проводов забывали к нам дорогу. Почтальоны, наученные горьким опытом, прежде чем разносить пенсии, поднимались к хозяевам пса и требовали его устранения. Микки запирали в ванную.

По вечерам – в одно и то же время – Микки появлялся под нашей дверью и начинал свой "концерт". Он выводил тоненько свои собачьи зонги на манер нищих бродячих певцов сиротским голоском, прислушиваясь в паузах: как? Подействовало? Потом скулил ещё жалобнее, прямо-таки надрывал душу. Если меня (или кого-то из двух соседних квартир) это не пронимало и никто, приоткрыв дверь, не швырял ему в открытую пасть, тут же с готовностью подставленную, кусочка мяса, колбасы, сосиски или, на худой конец, сушки, печенья, Микки брал тоном выше, выводя ну уж совсем невыносимо жалостные рулады. Если же и это не помогало, начинался угрожающий рык, переходящий в оскорблённый и требовательный лай. Потом опять – скулëж, нытьё. И так до тех пор, пока у жильцов не сдадут нервы и Микки не будет накормлен до отвала. После чего он с чувством выполненного долга убирается восвояси. Где это "восвояси" – одному Богу ведомо. Микки может отсутствовать и день, и два.

Вот сейчас он бежит впереди меня куда-то своей обычной деловой трусцой. Ушки торчком начеку, задние лапки чуть скошены, пятки стёрты от долгой беготни, но хвост всегда победно распушен, развеивается по ветру, как знамя. Хвост свой Микки несёт по жизни

гордо и смело, никогда не позволяя ему понуро опуститься или поджаться от страха. Это пёс с психологией победителя. Он всегда добивается своего.

А вот Линда – совсем другой характер. Её точный портрет – на обложке моей книжки "Собачья жизнь". Самое поразительное, что Линду я подобрала через два года после выхода этой книжки. Словно судьба забежала вперёд и показала мне – как в сказке с волшебным зеркальцем – облик будущей моей питомицы.

Роста Линда среднего, шерстка трёхцветная: частично пегого, серо-белого, но в основном рыжего цвета. Глазки чёрные, как маслины, живые, блестящие, смыслённые. И сама она очень умна. Иногда мне кажется, что она понимает человеческую речь. Имя Линда дала ей Олеся, ко мне она попала уже с этим именем. Как её звали в прошлой жизни – до того, как она потерялась или её бросили – никто не знает. (Я бы назвала её проще: Моськой или Жучкой – это ей больше идёт.) Неизвестен её возраст – думаю, года три-четыре, судя по зубкам; порода – что-то между болонкой и терьерчиком.

До того, как я её взяла, она жила во дворе в картонном домике, который ей соорудили дети. По счастью, это было лето. Я не могла её тогда приютить из-за Дендика. Потом Линду взяла женщина из соседнего дома, отвезла на дачу. А осенью Линда вернулась беременной. Перед родами женщина выставила Линду на улицу. Она родила под крыльцом. Щенков достали, утопили, а Линду – мокрую, грязную, несчастную, привели ко мне: "Больше некуда." Пришлось оставить.

Первую неделю её рвало, в кухне то и дело приходилось подтирать лужи – не привыкла проситься, живя на улице. Всё время рвалась во двор, где залазила под каждое крыльцо, искала своих щенков. Но главной проблемой было сосуществование с Дендиком. Его жизнь превратилась в муку. Сначала он страшно ревновал, видя, что Линда ест и пьёт из его чашки, что теперь не он один главный в

семье, что не всё вкусненькое ему. Потом, в период течки, начались другие страдания. В первую неделю Линда его с негодованием отвергала, и Денди, после очередного наскока, покусанный, скулящий, позорно бежал с поля боя. Но не в его характере было отступать, и он, собрав последние силы, шёл на новый приступ с тем же плачевным результатом. Опасаясь не столько за честь Линды, сколько за шкурку и нервы Дендика, мы стали запира́ть его в комнате. Там же поставили ему отдельную чашку и миску с водой и едой.

На исходе второй недели запира́ть уже требовалось Линду, поскольку зов природы просыпался и в ней. Упорная ли страсть Денди трогала наконец её женское сердце, красота ли и породистость пса привлекали внимание или тоска по утраченным щенкам толкала инстинктивно к продолжению рода, но Линда начинала рваться к нашему пуделю с такою же "нечеловеческой" силой, забыв про его недавнюю жадность, ревность и нанесённые обиды. Наш дом превратился в ад. С одной стороны двери раздавался надрывающий душу скулёж влюблённого рыцаря, с другой – отчаянно призывный лай дамы сердца. Мы чувствовали себя бездушными Монтеки с Капулетти, запрещающими любовь детей.

Может быть, все эти стрессы и вызвали в конце концов инфаркт Дендика, оборвавший его жизнь. Когда это случилось с ним в первый раз – он упал на лестнице, словно споткнулся, и покатился вниз по ступенькам, – я его спасла. Схватила в охапку, притащила в дом, стала делать массаж сердца. "Оставь его, – говорил Давид, – он умирает." Но я была не готова к его смерти, не могла даже в мыслях её допустить. Может быть, это и спасло. Я его растирала, тормошила, всовывала в

рот таблетки, брызгала водой, окликала всеми ласковыми именами. Денди начал подавать слабые признаки жизни. А когда я ему сунула в зубы кусок колбаски – повёл носом и окончательно ожил.

Когда это случилось во второй раз – меня не было рядом. Давид пошёл с ним вечером гулять, часов в девять. Дендик радостно побежал, услышав звон поводка, доверчиво подставил шейку. Эта прогулка так и не состоялась. Буквально через минуту Давид вернулся: "Дай какую-нибудь таблетку, Денди умирает." Я ринулась вниз. Дендик лежал, распластанный на площадке 1-го этажа, не дойдя несколько шагов до подъездной двери. Тельце было обмякшим, почти неживым. Я сунула ему в рот таблетку, он послушно её проглотил, но это не помогло. Попытался приподняться на слабеньких лапках, потянувшись на мой голос и – рухнул. И затих навсегда. Всё произошло в считанные мгновения. Все входившие в подъезд и выходившие из него столпились вокруг Дендика. Многие плакали. Это было 8 февраля 2001 года.

На улице мела пурга. Мы положили нашего пёсика в целофановый пакет и понесли хоронить на железнодорожный переезд. Там, где уже был похоронен соседский пудель Грей, умерший от рака. Вместе им будет не так одиноко.

Кто же думал про плохое?
Но восьмого февраля
Ночью тёмною, лихою
Приняла тебя земля.
Снег теперь тебя заносит
И уносит в царство сна.
Милый пёсик, чёрный носик,
Нет тебя теперь у нас.
Стынет кресло без владельца
И диванчик опустел.
Твоё маленькое тельце
Где-то средь небесных тел.
Без тебя скучает дворик.
Слезы катятся из глаз.
Милый Дендик! Бедный Йорик!
Светик крохотный угас.

Обычно моё утро начиналось с того, что Денди подходил к кровати и клал лапку на одеяло. Это было и радостное приветствие, и деликатное напоминание: пора гулять! Кушать, одеваться – в один ошейник или в попонку – смотря по погоде, играть с резиновым зайчиком... Словом, жить.

Это было первое утро без Дендика. И вдруг я сквозь сон почувствовала прикосновение тёплой мягкой лапки. Я похолодела от ужаса, боясь открыть глаза. Ведь я знала, что Денди больше нет. Что за мистика? Или я схожу с ума? Я открыла глаза и увидела Линду. Она, зная своё место только в прихожей и на кухне – места проживания были чётко поделены между нею и Дендиком – и никогда не входившая в комнату без зова, вдруг впервые сама вошла, прошла через неё в спальню и, как когда-то Дендик, положила мне свою лапку на сердце. Её глазки глядели серьёзно и грустно. Она, мать своих невыкормленных, недоласканных щенков, понимала меня как никто.

С тех пор прошло два года. Линда у меня прижилась, освоилась, повеселела. Тогда она очень помогла мне справиться с утратой, залечить душевную рану, нанесённую смертью Дендика. Гуляя с ней, я их часто невольно сравниваю. Они совсем непохожи. Дендик был изящный, хрупкий, нежный, как стебелёк. А Линда толстенькая, кругленькая, как колобок, как бочоночек с пивом. Денди был аристократ, он ходил только по сухому, аккуратно ступая своими крохотными пальчиками с подстриженными ноготками, осторожно обходя лужи и грязь. А Линда весело и бесшабашно шлёпает по лужам крепкими ножонками с широкими ступнями, не разбирая дороги, любит рыться в мусорных кучах, её не оттащишь от помойки. Денди был тепличное растение, потомок благородных заграничных кровей, победитель собачьих конкурсов, а Линда – неизвестно чей потомок, дитя улицы и двора. Но я люблю её, кажется, не меньше.